

УДК 316-051+929Мамонов

Правильная ссылка на статью:

Мамоновым М. В. «Меня интересовала прежде всего электоральная действительность» (Интервью Докторову Б. З.)// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 4. С. 200-212.

For citation:

Mamonov M.V. «First, I was interested in electoral reality» Interviewed by B.Z. Doktorov // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015. №4. Pp.200-212

Мамонов М. В.:
«Меня интересовала прежде всего электоральная действительность»
интервью Б. З. Докторову

Биография Михаила Мамонова может рассматриваться как история жизни представителя VI поколения советских/российских социологов, одного из аналитиков общественного мнения, специалиста, сформировавшегося и многие годы работавшего в Саратове — заметной точке на социологической карте России — и уже несколько лет живущего в Москве. Предлагаемый читателю рассказ М. Мамонова вливается в общую книгу судеб российских социологов.

Борис Докторов

Насколько Вы знакомы с прошлым родительской семьи?

Сюжеты семейной истории находились в нашей семье в зоне молчания. И этому есть свое объяснение. Мои предки по линии отца — из зажиточных крестьян Смоленской губернии. По случайным упоминаниям дедушки, Мамоновы всегда крепко стояли на ногах, потому что работали много и держали большое хозяйство. Очевидно, именно зажиточный статус и определил происхождение семейной фамилии, став причиной многочисленных семейных проблем и тайн. Мой дедушка, родившийся на рубеже веков, был младшим из четырех братьев и единственным, кто дожил до почтенного возраста. Его два старших брата погибли в Первую

мировую. Сам же он пережил становление советской власти исключительно благодаря тому, что послушался совета отца (моего прадедушки) и переехал в город. Цепкий ум настоящего хозяина и интуиция подсказывали моему прадеду, куда приведет аграрная политика новой власти и чем она закончится. Он посоветовал двум оставшимся сыновьям переехать в город, затеряться среди людей и начать новую жизнь. Мой дед воспринял совет с большим вниманием и уехал в г. Демидов, поселился со своей семьей на самой его окраине, у городского кладбища. Его брат решил остаться в деревне. Позднее он был репрессирован.

В первые дни войны дед был мобилизован и практически сразу же попал в лагерь военнопленных, который размещался неподалеку от г. Демидова. В колонне пленных его разглядела соседка, о чем и сообщила моей бабушке. И она с малолетним ребенком на руках, коим был мой папа, пошла просить у немцев освободить дедушку. До сих пор не могу понять, как ей, абсолютно неграмотной женщине, удалось упросить немцев отпустить плененного мужа. Но это произошло. То ли победа немцам казалась уже реальной, то ли орущий ребенок размягчил их сердце, то ли общий хаос тотального наступления сделал свое дело, но его миновала судьба других пленных. Весь период оккупации дедушка провел дома. Он оказался единственным мужиком на всей улице, и проблемы каждого дома на улице стали его проблемами. После освобождения он снова ушел на фронт, был ранен, стал инвалидом. Он не попал под каток послевоенных репрессий как выживший после плена и живший на оккупированной территории. Наверное, спасли инвалидность, боевые награды и принцип «тише воды, ниже травы». При недюжих организаторских способностях и хозяйской хватке дедушка никогда не стремился занимать постов и «быть на людях». Всегда был скромн и незаметен. Проработал до пенсии на технических должностях и жил по правилам советского общества.

Правильность своего принципа он внушал и детям, категорически запретив им поступать в вузы. И папа, и его сестра не решились его послушаться, хотя у них были и способности, и возможности для дальнейшего обучения. Очевидно, дедушка понимал, что историю семьи, в которой были репрессированные и плененные, лучше не афишировать, а поступление в вуз могло привлечь ненужное внимание к непростым страницам семейной истории.

Историю мамин ой семьи я совсем не знаю. Она стала сиротой в 6 лет. Сначала умерла ее мама, потом, практически сразу после возвращения с фронта, умер и отец. Сказались ранения. Мамино детство — это скитания по дальним родственникам и забота государства. Знаю лишь, что ее родители из рабочих.

Родители после свадьбы переехали в г. Вязьму все той же Смоленской области, там родились мы с сестрой, здесь я пошел в школу, в которой отучился первые четыре года, после чего мы переехали в г. Волжский Волгоградской области.

Каких-то ярких воспоминаний о школе не осталось. Все было как у всех. Учился неплохо, был активен, жил полноценной сначала пионерской, а потом и комсомольской жизнью. Какое-то время был даже мелким пионерско-комсомольским функционером школьного масштаба.

Когда учился в 5-м классе, семья переехала в г. Волжский, город-спутник Волгограда. Он поразил масштабом, правильной организацией и каким-то внутренним выпендрежем. Там был и полноценный стадион, и бассейн, и розы на улицах, и фонтаны, и много того, чего в Вязьме не

было и быть не могло по причине забитости и забытости всей Смоленской области. Так уж повелось, что Смоленщина всегда была полем каких-то битв и сражений. С завидной регулярностью там все разрушалось и заново отстраивалось. На это уходили огромные ресурсы и силы. Но в результате удавалось лишь восстановить разрушенное, не более того. В Волжском меня поразили не только город, но и люди. Они были другие, мне поначалу было сложно понять и принять их правила. Вязьмичи были очень радушные, добрые и открытые люди. Жизнь в этом небольшом городке, по моим детским воспоминаниям, протекала как в песне А. Варум: «Где без спроса ходят в гости/ Где нет зависти и злости, милый дом.../ Где рождение справляют/ И навеки провожают всем двором». В Волжском в отношениях между людьми сквозили недоверие, настороженность. Так, по крайней мере, мне казалось. И это несоответствие между красотой и помпезностью города и настороженностью порождало дискомфорт. Он сохранился и сейчас. Я не могу до конца понять этот город, он не вошел в мою жизнь. Конфликтность города определялась его историей. С одной стороны, это была «уголовно-комсомольская стройка»: местную ГЭС и крупные предприятия строили заключенные и активисты, прибывшие в город по комсомольским путевкам. С другой — из города сделали картинку для «братских народов». Туда приезжали многочисленные иностранные делегации. Как правило, посещение местной ГЭС и города входило в программу наряду с посещением Мамаева кургана. А поэтому город должен был быть красивым и помпезным. Так оно и было. Но это формировало ощущение фальши. И, наконец, город был богатым: крупные заводы, хорошие зарплаты, дешевые продукты — все это определяло повседневную жизнь горожан. По сравнению с Волжским Вязьма была городом бедных людей, но именно бедность задавала особую душевность отношений. Новый школьный мир был для меня тяжел в восприятии и привыкании. Наверно, года полтора понадобилось для того, что привыкнуть к новым условиям и правилам жизни, но потом все наладилось.

Второе событие, потрясшее меня в школьные годы, — поездка в «Орленок». В этом сюжете было и приятное и не очень. Первоначально меня как активного пионера планировали отправить в «Артек». На школу выделили целевую путевку. Но, как это бывает, самым достойным из всех оказался внук директора школы. Было непонятно, обидно, но через год я поехал в «Орленок». Это были ярчайшие 40 дней, что-то необычное, не рутинно-советское. Не было пионерского занудства, показухи, формализма. Это была другая, полноценная жизнь. Запомнилось многое: и орлятская школа, и коллективные творческие дела, и разговоры у костра.

В целом, школьные годы были приятными. Мне нравилось учиться и многое получалось. Школу я окончил с серебряной медалью.

И что дальше? О чем задумывались? Что получилось?

В 1990 г. поступил в Саратовский университет на исторический факультет. Вариантов поступления было два — химический или исторический факультет. Интерес к химии сформировался благодаря учительнице химии. Сейчас сложно определить отношение к этому предмету — то ли это было увлечение по убеждению, то ли по принуждению. Химичка была педагогом авторитарным, но очень сильным, химию мы если не любили, то уважали. Я был победителем различных олимпиад, поступление на химфак было бы логичным продолжением.

Но свою роль сыграли родители — «химический вариант» был для них неприемлем. Так что оставался истфак. Этот вариант был мне ближе и интересней.

Историей я увлекался всегда, она захватывала и интриговала. К началу 11-го класса выбор был сделан окончательно, и я стал целенаправленно готовиться к поступлению на исторический факультет. Интерес к истории подстегивал и дух времени. Конец 1980-х — период тотального переосмысления отечественной истории, многочисленных исторических публикаций и дискуссий. Страна дышала историей, и не хотелось оставаться в стороне. Как и положено правильному выпускнику, я записался на подготовительные курсы при истфаке Саратовского университета. В момент поступления на них я не имел никакого представления ни об этом университете, ни, тем более, об истфаке. Все определил именно случай. Я разослал письма в несколько вузов с просьбой предоставить информацию о подготовительных курсах. Первым ответил Саратов. Письмо из Волгоградского университета пришло месяца через три. Вслед за заочными курсами наступило время очных, уже перед самым поступлением. Так я оказался в Саратове. К поступлению готовился основательно: отработал все пособия по истории для поступающих, готовился и по другим предметам. Но я очень надеялся на медаль. Тогда ее обладатели в случае отличной оценки за первый экзамен поступали, не сдавая остальные предметы. Так случилось и со мной.

Каких-то особых планов относительно результатов обучения я не строил. К моменту завершения 11-го класса комсомольский запал прошел, и мне была интересна учеба, а не общественная деятельность, хотя истфак к этому располагал — туда традиционно поступали комсомольские активисты с прицелом на комсомольско-партийную карьеру.

Какие области истории как науки Вас интересовали больше всего?

Больше всего меня интересовал советский период истории. Было интересно практически все, за исключением войн. Логике в военных действиях я не улавливал, а поэтому и интереса к этим страницам истории никогда не питал. Постигание советской истории началось на третьем курсе, а на первых двух изучались Древний мир, Средневековье и Новое время. Истфак СГУ — это старая школа, где каждый преподаватель — яркая личность. На лекциях многих мы сидели, открыв рот. Это был не сухой пересказ учебников, а нечто большое и величественное, прикосновение к чему-то поистине достойному. Несмотря на то что вуз я окончил уже 20 лет назад, я с необычайным пиететом отношусь к своим вузовским преподавателям. Они учили думать, реконструировать логику событий, внимательно работать с фактами. Их отличали щепетильность и внимание к деталям. Например, один преподаватель мог не поставить отличную оценку, если студент не знал марку трактора, на котором Паша Ангелина выдавала свои трудовые подвиги. Тогда такая требовательность вызывала непонимание, сейчас — улыбку.

Единственным из современных предметов на первых курсах была политическая история — дитя перестройки. Ее читали преподаватели бывшей кафедры истории КПСС. И если уж говорить откровенно, то политическая история сводилась к изучению все той же КПСС. Это был период становления политологии, и кафедры историков партии постепенно трансформировались в кафедры политологии. Преподавание политической истории было этапом этой эволюции.

Когда наступило время выбирать кафедру специализации, вопрос решился легко. В то время очереди на кафедру политологии не было, к тому же я испытывал интерес к реальной политической жизни. На долгие годы кафедра стала для меня родной: там я писал диплом, учился в аспирантуре и защищал диссертацию. Мой диплом был посвящен реформам. Я пытался анализировать их логику, выявлять наиболее типичные риски. Тема была достаточно широкая, я попытался уловить общие закономерности. Сейчас понимаю, что в дипломе явно не хватало системности, глубины, но тогда это было допустимо.

Какие аспекты «реальной политической жизни» привлекали Вас в первую очередь? К моменту, когда Вы начали изучать политическую историю, процесс перестройки прошел уже несколько этапов, потом были ГКПЧ, Беловежское соглашение. Какую оценку всему происходившему давали ваши преподаватели?

Я поступил на истфак в 1990 г., это был предпоследний год существования Советского Союза, но судьба страны в значительной степени была предрешена. Талоны, очереди, пустые полки магазинов, локальные и не очень конфликты — все это было повседневной реальностью.

Истфак СГУ был на передовой политических дискуссий. И по праву считался рассадником вольнодумства. Так было всегда, не только в период демократической волны. В 1960-е гг. студенты истфака составили ядро саратовской Группы революционного коммунизма. Были громкое дело, суды, наказания. Но дух факультета это не сломало. На факультете всегда поощрялись самостоятельность мышления и наличие позиции. Так что к перестроечным временам факультет подошел во всеоружии. Да и кто еще мог по-новому говорить о политике, как не историки. С политологами тогда была напряженка. Политическая жизнь на факультете и около него кипела: постоянные дискуссии в аудиториях и вне их стен. В скверике рядом с истфаком находилась демократическая палатка, где периодически жили местные демократы. Это была открытая дискуссионная площадка.

Единой оценки происходящих событий у преподавателей не было, и сами оценки менялись быстро. На истфаке были и представители демократического движения, и консерваторы. Но каждый уважал позицию оппонента. Если говорить о доминантных оценках, то вначале — это подъем и поддержка. Исключение составляла тема распада СССР. Это не принималось большинством. Преобладало ожидание обновления, а не ликвидации. У преподавателей был силен запрос на очищение, они верили в косметический ремонт экономики и политической системы. Но уже в начале 1992 г. демократический запал стал постепенно сходить на нет. Это был период нечаянно нагрянувшей бедности, потери своего места в обществе, непонимания происходящего. Инфляция и общий хаос только усиливали непонимание и, наверное, разочарование в себе — за то, что не смогли заранее понять перспективы происходящего. Это часто сквозило в оценках. Наибольшее раздражение вызывали статусные потери и утрата особого положения генератора идей общественного развития.

Если говорить о себе, мой политический интерес оформился рано. Меня интересовали прежде всего электоральная действительность и все, что было связано с выборами. Это было наглядно, конфликтно и практически всегда содержало интригу.

Вы поступили в аспирантуру сразу или сначала поработали? Какая проблема была в центре Вашего диссертационного исследования?

В аспирантуру я поступил сразу после окончания университета, но работать начал, будучи еще студентом. Если не ошибаюсь, то после третьего курса. Очень хотелось кушать. Это был небольшой бизнес. Со временем меня перестало это увлекать, да и после завершения учебы предложили более интеллигентную работу. В 1995 г. по инициативе кафедры при поддержке ректората университета в Саратове было создано специализированное среднее учебное заведения гуманитарного профиля — Лицей гуманитарных наук. Создавался лицей с чистого листа, преподаватели и аспиранты кафедры составили его костяк. Пригласили и меня. Мне предложение показалось интересным. Привлекали новизна и отсутствие жесткой регламентации. Это был период, когда строгих рамок в образовании не было. Идеи лицея — качественное среднее образование с участием вузовских преподавателей и нешкольный подход к организации образовательного процесса. Достаточно быстро я стал заместителем директора лицея. Так что процесс обучения в аспирантуре приходилось совмещать с очень интенсивной работой на ниве реального образования. Тем не менее диссертацию удалось написать и защитить. Она была на стыке политологии и истории. Я пытался применить логику парадигмального подхода к анализу политического процесса. Мне показалось интересным попытаться оценить возможность применения подхода Т. Куна в политологии. Моя диссертационная работа носила теоретический характер.

В чем своеобразие Вашего подхода?

Еще в студенческие годы меня поразила книга Пола Хейне «Экономический образ мышления». Поразила не только простотой изложения, но и размышлениями о том, что поведение человека ограничивается прежде всего некими когнитивными схемами и представлениями о реальности и возможностях. Самое главное — это именно представления о возможном поведении. Одну и ту же проблему можно решить по-разному. Пробки в городе можно регламентировать административно, а можно ввести плату за въезд в город. Результат, возможно, будет один и тот же, но механизмы его достижения — разные, как и средства, затраченные на достижение. Хейне поразил меня идеей, с одной стороны, вариативности поведения, с другой — признанием неких коридоров мышления, за пределы которого человек, как правило, не в состоянии выйти. Меня заинтересовали две проблемы — содержание вариантов и механизм формирования неких схем оценки действительности и, соответственно, формирования поведения. О Куне я уже говорил и повторяться не буду. Мне показалось, что с его помощью я приблизился к пониманию самого процесса формирования изменений и их возможного индикатирования, когда у каждой стадии функционирования научной парадигмы есть свои симптомы, которые, если не воспринимать их как симптомы состояния, подчас неочевидны. И третья, поразившая меня работа, — книга Н. Кондратьева о больших экономических циклах, в которых он доказывал неизбежную смену состояний, подкрепляя выводы данными статистики. Из всех «цикловиков» наиболее интересными мне показались именно выводы Кондратьева. В итоге сформировалась некая интерпретация политического процесса: что политический процесс есть лишь смена определенных состояний, отличительной

чертой которых является именно доминантный образ мышления, реализуемый в практике, моделях поведения, институтах, но тем не менее логика этих практик, принципы функционирования одинаковы, так как они определяются одним образом мышления. И не столь уж важно, как они называются и насколько все процессы публичны. Главное, что логика действия одна и та же, и преодолеть ее очень сложно. Однако такая смена подчиняется законам цикличности и крайне протяженна во времени. При этом для каждого этапа можно подобрать свой набор индикаторов, который и будет свидетельствовать о реальном, а не о парадном состоянии системы. Цикличность определяется большими циклами Кондратьева. Иначе говоря, переход от одного состояния в другое возможен только как способ преодоления кризиса, при этом общественно-политические циклы длиннее экономических, потому что образ мышления устойчив — человеку крайне сложно отказаться от обычных представлений. Он будет их до последнего приспособлять и не откажется от того, что привычно. Смена алгоритма действия — болезненный процесс и для самого человека, и для системы в целом. Я пытался верифицировать данный подход, но не могу сказать, что все получилось ясно и просто. Один из выводов состоял в том, что смена парадигмы мышления в России должна совпасть со сменой столетия. Но, увы, этого пока не произошло. Перестройка, а затем и демократизация сменили лица, но не сменили принципы. Это отчетливо фиксируется, к примеру, в таком наглядном пространстве, как партии. В диссертации мне, скорее, для самого себя хотелось сформулировать следующую мысль: не важно, что и как называется, важно, что за этим стоит, какие принципы реализуются. К сожалению, в России и на постсоветском пространстве мы видим нежелание отказаться от логики, определившей всю историю прошлого века. В итоге — отсроченная конфликтность, постепенное усиление противоречий. Не думаю, что я сейчас выбрал бы эту тему. Вся дальнейшая работа была связана с прикладными исследованиями и практической деятельностью в сфере политики и управления.

Как долго Вы проработали в лицее, куда потом пошла траектория Вашей жизни?

В 1998 г. мне предложили работу в саратовском областном правительстве. Это было не первое предложение, но на этот раз я согласился. Хотелось изменений, да и работа в системе среднего образования постепенно надоедала. Лицей очень быстро вышел на нужный уровень и занял свое место в образовательной системе города. Постепенно становилось скучно. Задача «создание» сменилась на задачу «поддержание», а это уже совсем иной подход, да и люди были нужны иные, чем в первые два года начала большого пути этого учебного заведения. В Правительстве области проработал 8 лет.

В течение всех восьми лет у меня было два направления работы: функционал по должности и неофициальный функционал, связанный с политическим консалтингом самого широкого профиля. Это касалось и текущей политической ситуации, и избирательных кампаний, и отдельных конфликтных ситуаций. В той или иной степени я принимал участие в большинстве общественно-политических действий в регионе. Как правило, эта деятельность была непубличной, что предоставляло определенную свободу мысли и действий.

За эти годы я поработал в разных подразделениях, все они занимались внутренней политикой — это были информационно-аналитические подразделения. Моя чиновничья карьера

складывалась успешно. Последние годы я был первым заместителем министра информации и печати Правительства области. С этой должности и ушел «в отставку».

Это был крайне интересный период. Во-первых, погружение в реальность. А она отличалась от того, что написано в книжках про политику. Иногда складывалось впечатление, что авторы научных книжек по общественно-политическим процессам описывают что-то свое, только им ведомое.

Во-вторых, это был период постоянных трансформаций. Все бурлило. Тогдашний губернатор Д.Ф. Аяцков любил держать всех в тонусе, постоянно фонтанируя идеями. Очень много сил занимали выборы. Избирательные кампании шли чередом. В них я участвовал и как аналитик, и как социолог. В большинстве избирательных кампаний, да и не только избирательных, я входил в аналитические группы. Это предполагало масштабное погружение в процессы, их анализ, выявление трендов, потенциальных проблем, каких-то неочевидностей и разработку предложений по их решению.

Тогда-то и произошло погружение в прикладную социологию. Привлечение внешних социологов в те годы на уровне регионов было не очень принято по причине отсутствия денег в бюджете и того, что социологи извне не давали ответы на вопросы о том, что происходит на самом деле, что делать в той или иной ситуации. Поэтому задачи пытались решать внутренними ресурсами. Тогда же мне стала очевидна дистанция между теоретическим и прикладным подходами в гуманитарных науках: если представители первого «ищут истину» и «способствуют пониманию процессов», то второго — решают проблемы. Точек пересечения у них не так много, к сожалению.

В 2005 г. перешел на работу в Поволжскую академию госслужбы (ПАГС), где продолжил заниматься прикладным консалтингом, только на более системном уровне. Там я проработал вплоть до переезда в Москву в 2010 г. А в Москве первым местом работы стал ВЦИОМ, где я и сейчас работаю.

Работая в ПАГС, я пытался ответить на вопросы, как формируются оценки власти населением, в чем причина успеха одних региональных политиков и неудачи других, как выявить реальные, а не декларируемые запросы населения, где ловушки сенситивности и парадности. Как-то сразу у нас образовался небольшой неформальный аналитический кружок, в рамках которого мы пытались по-иному посмотреть и на ситуацию, и на подходы к изучению политических процессов. Со временем этот кружок оформился в более устойчивый научный коллектив, мы начали получать гранты, в том числе РГНФ, РФФИ и другие. Мы пытались сфокусировать на изучении роли депривационных разрывов в политике, их влиянии на формирование оценок населения. Наш подход был в русле того, что в свое время описал А. Токвиль. Было интересно, и, главное, это работало.

Поволжье и Саратов в частности — места социологические. С кем из специалистов Вы сотрудничали? Какие книги читали?

Саратов — действительно социологическое место. В городе представлена и академическая, и вузовская, и прикладная социология. Одним из центров социологической мысли и практики, особенно в части социально-политических исследований, был Институт

аграрных проблем РАН, с одним из бывших сотрудников которого Вы недавно проводили интервью. Я говорю об Илье Штейнберге. Наряду с фундаментальными исследованиями этот институт участвовал и в решении прикладных задач. Несмотря на то что постепенно позиции этого института в Саратове ослабевают, он до сих пор остается одним из социологических центров. С коллегами из института всегда было очень интересно работать.

Но взаимодействовать мне чаще приходилось с прикладниками, теми, кто в большей степени ориентирован на решение конкретных проблем, чаще всего по оценке власти, решению электоральных и иных проблем, а также всевозможных конфликтных ситуаций. Прикладная социология в Саратове развивалась и развивается сейчас в двух основных форматах: социологические лаборатории при вузах и структуры в составе политехнологических команд. Практически при каждом крупном вузе была своя социологическая лаборатория. Самые продуктивные – при Политехническом университете, где очень плодотворно работала В.Н. Ярская, Академии госслужбы, экономическом и классическом университетах. Позже были созданы такие лаборатории при Академии права и других вузах. Среда была всегда конкурентная. Кроме того, и в других городах области были небольшие социологические лаборатории. В качестве примера могу привести Балаково, где один из местных социологов, Константин Мокин, создал свой центр, который на регулярной основе проводил исследования общественно-политической проблематики, причем особенно активно по вопросам межнациональных отношений. В разной степени приходилось работать с лабораториями Академии госслужбы, университета, а также с балаковскими коллегами. Если о персоналиях, это было время совместной работы с Р. Пашьяном, К. Мокиным, Г. Дыльниковым, Т. Калугиной, Л. Константиновой, В. Чепляевым, Ю. Тарским, Т. Черняевой. Это специалисты высочайшего уровня, которые могли показать правильный путь и помочь разобраться в сложных вещах. Наверно кого-то не назвал, но тогда факт общения как-то не рефлексировался. Вторую группу составили политехнологи. Их интерес к социологии был исключительно утилитарным, но работать с ними было необычайно интересно. Это М. Клопыжников, О. Фомин, А. Лучинин и многие другие. «Чистыми» социологами их назвать нельзя, но социологии они были не чужды, поскольку реальных выборов без социологии не бывает. Если говорить в целом, в тот период мое общение ограничивалось преимущественно саратовскими коллегами.

Книги того периода я бы условно разделили на три группы: классики, методологи и прикладники. Работы первой и второй группы позволили частично преодолеть отсутствие базовой подготовки. Среди прикладных наряду с социологическими работами больше всего приходилось читать политологов и коммуникативистов. Во-первых, потому что политическая социология закрепилась как направление моих интересов, а во-вторых, потому что именно в рамках коммуникативистики наряду с социологией всегда активно обсуждались вопросы, как формируется общественное мнение и где каналы эффективной коммуникации. Коммуникативистика позволяла понять технологию процесса формирования повестки дня населения. Социологам это не всегда удается – они фиксируют уже результат.

Пожалуйста, приведите один-два примера из Вашей практики консультанта.

Публичные примеры связаны с выборами. Один из самых интересных случаев был на выборах депутатов Саратовской областной Думы. По одному из округов власть решила проташить своего кандидата — лидера профсоюзной организации фактически неработающего авиационного завода. Кандидат оказался крайне тяжелым. Это был тот редкий случай, когда говорить о человеке было нечего. Не было личной истории, не было интриги, была только работа, дача и все. Человек всю жизнь проработал на одном заводе, прожил в одном доме и всю жизнь покупал вещи в одном магазине. Иными словами, не было ничего такого, за что можно было бы зацепиться, из чего можно было лепить образ. И тогда меня пригласили помочь выстроить стратегию избирательной кампании. В мою задачу не входила организация работы агитаторов или работа с избирательными комиссиями. От меня ждали ответ на вопрос о том, как можно «продать» этого кандидата избирателям. Ознакомившись с ситуацией, я хотел отказаться, но не удалось, и тогда началась кропотливая работа с погружением в жизнь района, завода, пришлось отрефлексировать образ жизни и мысли жителей, попытаться нащупать то, что их объединяло, что вызывало бы отклик в душе. Тяжелая была работа. Это был один из заводских районов города, кстати, он так и назывался — Заводской, где все социально-экономические проблемы были налицо: массовая безработица, неработающие предприятия, преступность, бедность и т.д. Говорить людям о политике, о каких-то перспективах было бесполезно — они жили в другом измерении, но в какой-то момент нащупалось то, что их действительно объединяло, что было дорого и понятно, — судьба своих предприятий.

Оказалось, даже те, кто состоялся в новых условиях, тосковал о своем заводском прошлом, о своей бригаде, о заводских традициях, о людях, с которыми работал. Они могли критиковать все, кроме своего завода, который к тому времени уже не работал. Это была не ностальгия, а нечто большее — система их жизненных координат. И тогда мы предложили простую и, как оказалось, очень удачную тему — раскручивать идею заводского характера. Люди не хотели голосовать за человека, убеждать их в достоинстве кандидата было абсолютно бессмысленно, они хотели голосовать за что-то более важное для них — бывших заводчан, и формула «заводской характер» оказалась очень удачной. Идея «пошла», и на фокус-группах это было отчетливо видно. Очень быстро началось саморазвитие идеи, люди стали наполнять эту размытую коннотацию положительным смыслом. Оказывается, не у каждого заводчанина есть этот самый характер, а ценность человека с заводским характером — не в должностях и публичных заслугах. Это настоящий человек, который может и правду-матку в глаза сказать, и начальника послать, и протянет руку помощи в трудную минуту, и, вообще, по жизни не подведет и не предаст. Люди сами нам подсказали, чем наполнить этот образ. При разговоре о заводском характере всплывала песня из кинофильма «Весна на Заречной улице» — «...и заводская проходная, что в люди вывела меня». Вот такой небольшой эпизод.

Сейчас, описывая его, можно все уложить в несколько абзацев текста, но тогда пришлось много работать, тестировать десятки идей, провести не одну серию исследований, чтобы ощутить, прожить эту идею. И таких эпизодов было много. Обычные технологи не могут решать подобные задачи, многие из них мыслят шаблонно, у них заранее все готово, но их идеи,

претендующие на универсальность, часто не работают в сложных ситуациях. Это был один из таких случаев.

Вы не завершили сюжет... чем закончилась эта избирательная кампания?

Избирательная кампания завершилась успешно.

Что Вас гнало в Москву? Не испытывали ли Вы страха относительно того, впишетесь ли в новую среду?

Любой провинциальный город имеет свои рамки, границы, даже самый интересный, такой как Саратов. Наверное, это была основная причина периодически возникавшего желания переехать в Москву. Своего потолка в Саратове, как я полагал, я уже достиг. Работа в органах власти меня не интересовала, хотя предложения и поступали. Работы же практической со временем становилось все меньше. После отмены губернаторских выборов и изменения контура политической системы политическая жизнь в регионах быстро стагнировала. Жесткая централизация власти, повышение управляемости политической системой привели к постепенному умиранию политики на региональном уровне. Власть интересовал только один уровень взаимодействия — федеральный. Локальные проблемы и пути их возможного решения интересовали все меньше. Основная задача власти постепенно стала сводиться к наведению внешнего лоска, формированию картинки бесконфликтности ситуации в регионе. В этих условиях запрос на проработку отдельных проблем, разработку вариантов их решения постепенно угасал. Конечно, оставались выборы, но реальных избирательных кампаний было мало. Уровень администрирования выборов постепенно рос, что опять же привело к затуханию реальной политической жизни в регионе. Интересные избирательные кампании были скорее исключением. Оставалась сфера научной деятельности, но она в регионе имеет большую специфику. Это, скорее, работа для себя и за свой счет. Даже грантовая поддержка не решала этой проблемы. Нам удавалось получать гранты и РФФИ, и РГНФ, но не было практического «выхлопа», пользы от этих научных изысканий.

Когда поездка на конференцию превращается в проблему и ты вынужден постоянно бороться с околонучной бюрократией, отвоевывая даже грантовые деньги, интерес к научной работе ослабевает. Да и вообще вписаться в «федеральный» научный процесс, живя в регионе, сложно. Так что в какой-то момент решение о переезде окончательно оформилось. Скажу откровенно, что предложения о переезде в Москву периодически поступали и касались прежде всего работы в чиновничьих или околочиничьих структурах. Но это меня не интересовало. Для себя определил, что хотел бы перейти на работу в исследовательскую структуру, связанную с решением прикладных задач. В этом направлении и искал. Страх не было — решение о переезде созрело. Кроме того, риск меня захватывает. Мне интересно решать сложные задачи, пробовать себя в чем-то новом. К тому же вернуться в Саратов я всегда мог. Так что страха не было.

Вы сразу ехали работать во ВЦИОМ или были варианты?

Работать я поехал во ВЦИОМ, хотя другие варианты были, но менее интересные. Во ВЦИОМе оказался скорее случайно. Был 2010 г., я предполагал, что шансов найти интересное место в Москве в предвыборный год должно быть больше. И расчет оправдался. Когда я говорю

о случайности, то имею в виду под ней способ трудоустройства — с помощью сайта рекрутинга hh.ru. Я откликнулся на появившуюся вакансию от ВЦИОМа. Послал резюме, потом были несколько собеседований, и в итоге мне предложили поработать, оговорив испытательный срок. Весь процесс трудоустройства занял месяца полтора, и с конца сентября 2010 г. я работаю во ВЦИОМе.

Безусловно, отказываться от человека с Вашим опытом — безрассудство... я думаю, Москву Вы знали по предыдущим поездкам, и все же... было сложно войти в среду города? Втягиваться в его ритм...

Не соглашусь с Вашим утверждением. Как показал опыт моих бывших коллег, чиновников очень неохотно берут на работу, особенно в Москве. Есть установка относительно их природной лени и ограниченности. Так что опыт в данном случае — сомнительное преимущество. По поводу городской среды и ритма города — проблем не было, московский ритм — это то, чего мне не хватало в Саратове, хотелось большей динамики, крупных задач, под которые нужно расти, меняться. Страшила не работа, страшил быт. Одно дело, когда у тебя все определилось, другое — когда ты начинаешь с чистого листа. Это действительно было сложно, но и эти проблемы были быстро преодолены.

Рабочие сложности возникали, но они носили локальный характер. Все дело в том, что у новичков во ВЦИОМе нет периода раскочки, тебе не дают время, чтобы осмотреться, присмотреться и т.д. Перед тобой ставят задачу, и ты ее решаешь. А это предполагает быстрое вхождение в процесс. Первый проект мне дали на второй или третий день работы. Проект был небольшой, но полноценный. Бесспорные плюсы ВЦИОМа — очень комфортная среда для каждого и ориентированность на результат. Если обращаешься за помощью, тебе обязательно помогут, подскажут, дадут совет и укажут на ошибки. Я сам не ожидал, что процесс вхождения в работу будет таким быстрым и комфортным.

Наверное, уже определилась тематика исследований, закрепленных за Вами?

Это изначально были политические исследования и исследования, заказчиком которых выступает политических блок федеральных органов власти. Постепенно произошло сужение проблематики. Сегодня это электоральные процессы в стране в целом и региональный политический процесс, хотя четкого разделения проектов между сотрудниками в рамках одного подразделения во ВЦИОМе нет. Многие определяется ситуативной загруженностью, личными интересами. К примеру, в прошлом году у меня было интересное исследование по протестным акциям медиков, а в этом мы разбирались с гражданским обществом в Крыму, говорить об узкой специализации сложно. Факторов распределения проектов тоже много. Это и научный интерес, и опыт, и специфика заказчика. Но я пытаюсь фокусироваться на прикладных исследованиях. Это соответствует стратегии развития компании и моим интересам. Специфика прикладных исследований лежит в принципиально ином формате итогового продукта. Заказчик, как правило, ждет четкой и в чем-то упрощенной картины действительности, некой карты ситуации. Но это не предполагает упрощенного подхода. Скорее наоборот: чем меньше возможности представить свой результат, тем ценнее каждое слово.

Я знаю, как сложно на «фабрике» опросов заниматься наукой, и все же, думаете ли Вы о подготовке докторской?

Сложный вопрос, не имеющий ответа. В возможность защитить докторскую диссертацию в «фабричном» потоке я не верю. Причин тому много, в том числе многозадачность. Когда у тебя 5–6 разных по содержанию и характеру проектов, важно погрузиться, вникнуть в каждый из них, нет возможности фокусироваться на какой-то одной теме. Сегодняшний период я бы назвал периодом накопления материалов и отработки подхода, благо возможности для этого есть и есть возможность тестировать отдельные идеи, не откладывая их в долгий ящик. Но комплексно обобщать, анализировать все имеющиеся материалы сложно. Для этого необходимо менять формат работы. Закладываться на работу проходного характера не хочется. Но если все сложится, как планируется, то в течение пяти лет работа будет подготовлена.

Вы уже несколько лет преподаете в Финансовом университете при Правительстве РФ. Кто Ваши студенты: вчерашние школьники или люди с высшим образованием и опытом работы? Что Вы им читаете?

В Финансовом университете я работаю по программам бакалавриата и магистратуры, так что можно сказать, что мои студенты — вчерашние школьники. Я читаю политическую социологию, курсы «Изучение социально-экономических и политических процессов», «Связи с общественностью», тематика курсов соответствует моим научным и прикладным интересам.